

Цифанова Ирина Владимировна

ПОНЯТИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕГО СУЩНОСТНО-ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ

Изучение понятия "идентичность" через эволюционистскую парадигму и определение степени воздействия исторических событий и социальных структур на уровне идентичности - цель данной научной статьи. С позиций психосоциального подхода Э. Эриксона и символического интеракционизма Дж. Мида рассматривается дефиниция идентичности не как психологического или социального феномена, а как модуса человеческой экзистенции. В заключение предлагается рассмотреть идентичность как бытийный феномен, который включает такие важные характеристики человеческого бытия, как случайность и конечность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 1. С. 191-196. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**PROVINCIAL TOWN KUZNETSK IN THE PAGES OF “TOMSK PROVINCIAL BULLETIN”
(THE SECOND HALF OF THE 1850S)**

Khudoleev Aleksei Nikolaevich, Doctor in History, Associate Professor
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
khudoleev73@mail.ru

The article considers the problem of covering the history of Kuznetsk in the periodical “Tomsk Provincial Bulletin” of the second half of the XIX century. The author examines the first attempts to study the history of Kuznetsk, analyzes the representativeness of the source base and justifies the thesis that the appearance of “Tomsk Provincial Bulletin” stimulated the development of historical and regional studies. The periodical allowed the Siberian community to get acquainted with unknown and poorly investigated pages from Kuznetsk fortress history.

Key words and phrases: historical regional studies; Siberia studies; local history; Tomsk province; Kuznetsk uyezd; Kuznetsk fortress; Siberian towns' heraldry.

УДК 111.1

Философские науки

Изучение понятия «идентичность» через эволюционистскую парадигму и определение степени воздействия исторических событий и социальных структур на уровне идентичности – цель данной научной статьи. С позиций психосоциального подхода Э. Эриксона и символического интеракционизма Дж. Мида рассматривается дефиниция идентичности не как психологического или социального феномена, а как модуса человеческой экзистенции. В заключение предлагается рассмотреть идентичность как бытийный феномен, который включает такие важные характеристики человеческого бытия, как случайность и конечность.

Ключевые слова и фразы: индивидуальная идентичность; коллективная идентичность; самоидентификация; социальное взаимодействие; социальные структуры; кризис идентичности.

Цифанова Ирина Владимировна, к.и.н.

Ставропольский государственный педагогический институт
tsifanova@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕГО СУЩЕСТВЕННО-ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ

Оперирование термином «идентичность» является одной из отличительных черт современности. В социальной философии понятие рассматривается с позиций развития личности в контексте её проблемности и противоречивости, объясняя действия индивида и коллектива (социума). Идентичность заметили и о ней заговорили тогда, когда она из предельно простого, константного и цельного явления постепенно стала превращаться в свою противоположность. Из средства, позволяющего находить ответы на вопрос, она сама превратилась в вопрос, над которым человек вынужден размышлять и который способен вторгаться в самые глубинные слои человеческой экзистенции. Проблема идентичности совершенно по-новому поставила дилемму об обществе как о среде бытия существования идентичности, соединив его с проблемой об истории как о контексте прочтения последней.

Идентичность индивида оказалась понятием, используемым практически во всех гуманитарных науках и, прежде всего, в психологии, культурологии, социологии и политологии. Об идентичности индивида говорится тогда, когда он отвечает на вопрос «кто он такой?», а об идентичности коллектива говорят в случае, если каждый его член ответит на упомянутый вопрос одинаково. Нельзя относить какую-либо идентичность к разряду объективных или, тем более, неотъемлемых черт ее носителя. Скорее, она – результат социального взаимодействия с другими индивидами, хотя этот результат и должен пройти «обработку» и закрепление во внутреннем мире человека, его сознании и самосознании. За наличие идентичности и ее содержание в конечном итоге «отвечает» индивид, потому что только он может включить ее в число собственных убеждений. Хотя он и не выдумывает собственную идентичность произвольно, но необходимость внутреннего согласия с предложенным в ходе социального взаимодействия вариантом важна и необходима. Поэтому для того, чтобы обладать идентичностью, необходимо обладать субъектностью, то есть разумом, волей, свободой и способностью выбирать, перебирать, соглашаться или отвергать поступающие извне предложения. Таким образом, идентифицируя себя с каким-то значением, человек соотносит себя с ним и соглашается отождествить это значение с самим собою.

Что можно узнать о человеке и обществе посредством изучения феномена идентичности, а также процессов идентификации и самоидентификации? Социологи используют данное понятие в поисках причин социальных девиаций, кризисов и конфликтов, вызванных дисгармонизацией межгрупповых, внутригрупповых и межиндивидуальных отношений [12, с. 60]. Психологи подчеркивают значимость идентичности на внутриличностном уровне: в частности, в определении источников психических расстройств и при построении стратегии их преодоления [2, с. 268]. Есть еще много случаев применения термина «идентичность» в социогуманитарных науках, результатом чего появляются понятия культурной идентичности, конфессиональной идентичности, этнической идентичности, профессиональной идентичности, гендерной идентичности [4, с. 35; 7, с. 121; 16, с. 591]. Но все

изначально начиналось с психологии, где идентичность стала одним из важных моментов бытия личности и, естественно, ее описания и опытно-экспериментального изучения.

Понятие идентичности, или тождественности, вводилось социальными психологами в рамках ролевой теории личности и определялось как способность индивида осознавать себя принадлежащим к некоторой статусно-ролевой структуре и занимающим в ней некоторое место [2, с. 267].

Пока идентичность индивида ясна ему и окружающим его другим индивидам, социальное взаимодействие проходит по типичным схемам, опирающимся на некие образцы, статусно-ролевые наборы, сценарии и т.п. Однако социальная стабильность может быть нарушена, и на протяжении всей истории человечества это происходило и происходит вопреки желаниям большинства.

Аристотель в своем трактате «Категории» и в остальных логических трактатах искал условия, при которых мы можем не просто сравнивать предметы и явления, но и отождествлять их [3]. Но если физические или биологические объекты отождествляются по одним и тем же критериям, то с идентификацией личности возникают проблемы. Не случайно все темы духовного возрождения или же морального перерождения ставят под вопрос тождество личности на всех этапах данного процесса.

Субстанциалисты настаивают на неизменности человеческой идентичности, полагая именно ее константным ядром личности, тогда как релятивисты или субъективисты видят в идентичности объект для приложения человеческих усилий, как внешних, так и внутренних. «Большую часть времени человек воспринимает свое ощущение себя, кем он является, и кем нет, как само собой разумеющееся и фиксирует себя во всевозможных отношениях, ценностях, верованиях, диспозициях. А это значит, что у человека имеется способ получить ощущение собственной непрерывности, безопасности и стабильности. Это ощущение себя позволяет фиксировать себя в определенном наборе противоположностей, который и формирует то, что называется личной идентичностью» [6].

Если для античности было характерно субстанциалистское решение проблемы идентичности, то в средневековой христианской картине мира и картине человека на первый план вышла проблема выбора, порожденная свободой воли. Именно христианское или иудеохристианское понимание души как феномена, готового к перерождению, позволяет отказаться от идентичности как раз и навсегда данной, вечной и неизменной субстанции. Новозаветный рассказ о превращении гонителя христиан Савла в христианского апостола Павла, как и множество других, ему подобных, составляют важную, если не главную часть христианской сотериологии. А вот в древнегреческой философии, как, впрочем, и в древнегреческой литературе, господствует идея обретения подлинной идентичности, в том числе и в драматических обстоятельствах [13]. Можно согласиться с Т. С. Воропай в том, что идентичность конструируется. И поэтому «примордиальных идентичностей не существует, как не существует и “природы человека”. И “смерть субъекта” – только метафора для обозначения перенасыщенной детерминантами (дискурсивной изнутри) идентичности. Но даже если не становиться на столь крайнюю точку зрения, понятно, что все “испокон века” существующее где-то берет свое начало, когда-то было изобретено, кем-то создано, сформировано – нация, традиция, костюм, пища, ритуалы, праздники, даже язык (если рассматривать его в широком диахроническом разрезе)» [5, с. 22]. Платоновский миф о душе, стремящейся вспомнить свое прошлое, вернуться на родину в царство идей, вполне соответствует софокловскому повествованию об Эдипе, который, даже не зная о своем царском происхождении, оказался на царском троне и сполна испил горькую чашу, уготованную ему судьбой и богами [9; 13]. В христианской религии, как и во всех остальных авраамических религиях, борьба за спасение души связана с особой стратегией ее спасения, хотя тема выбора между добром и злом оказывается также темой перерождения в приобщении к испугительной жертве, принесенной поправшим смертью Иисусом Христом. Здесь уже не только личность более невозможно представить как неизменную субстанцию, но и ее идентичность превращается в переменную.

Дальнейшее развитие понятия идентичности связано с процессом секуляризации мышления новоевропейского человека. И, как следствие «расколдовывания» мира, понятие идентичности личности стремительно превращается из постоянной в переменную. Особую роль в этом процессе играет рождение эволюционистской парадигмы, чье победоносное шествие полностью изменило картину мира и мировоззрение в целом. Прежде человек воспринимался как существо, в котором от рождения заложено множество свойств и качеств. По сути своей, эти свойства и качества неизменны и предопределены Природой или Творцом – кто-то рождается хорошим, а кто-то – плохим, кто-то обречен, а для кого-то уготована особая судьба, и если даже стечение обстоятельств оказывается выше способностей человека, эти способности остаются неизменными на протяжении всей его жизни.

Благодаря эволюционистской парадигме в этой схеме все переворачивается – человек есть не просто природное существо, он еще и выступает как совокупный итог коллективного и индивидуального развития. Причем это в равной мере относится и к его телу, и к его душе, то есть и к внутреннему миру, личности, сознанию, которое эволюционирует вслед за телесной эволюцией или даже впереди нее. А если личность изменяется, изменяется сознание и самосознание, почему бы не измениться и идентичности. Вопрос состоит лишь в том, происходят ли эти изменения стихийно или же их кто-то может контролировать. Если ответ на последний вопрос оказывается положительным, то неизбежны другие вопросы, например, вопрос о том, может ли идентичность человека стать предметом манипуляций, в том числе и злонамеренных.

Носят эти изменения драматический характер или же переживаются их участниками сравнительно безболезненно, в любом случае они сопровождаются кризисом идентичности. Как отмечает Г. М. Андреева, «кризис идентичности – пример существенных изменений в массовом сознании в эпоху перемен. Социальной психологии удалось на теоретическом и экспериментальном уровне доказать, что механизмом формирования

социальной идентичности является категоризация — процесс “отнесения” индивидом себя к определенной социальной группе. Социальные категории, как и категории вообще, выступают в процессе познания как порождения стабильного мира: они фиксируют устоявшееся, прочное» [2, с. 370].

Таким образом, становится ясна общая логика введения понятия идентичности в концептуальное пространство социальной психологии и психологической науки в целом. Как древнегреческим философам категории бытия и субстанции были необходимы, чтобы зафиксировать нечто постоянное среди стремительно меняющегося и хаотичного мира, так и современные психологи остро нуждались в некоем константном элементе личностного опыта, быстротекущего и переменчивого даже в условиях социальной стабильности, не говоря уж о ситуации перемен. «Когда сам реальный мир становится нестабильным, — пишет Г. М. Андреева, — социальные категории как бы разрушаются, утрачивают свои границы. Так, социальные и этнические группы, обозначаемые определенными категориями, или размывают свои границы или просто “исчезают” (как быть сегодня с такой, например, социальной категорией как “советский человек”?). Последствия этого драматичны для многих социальных групп: пожилые люди испытывают потерю идентичности, молодежь — затруднения с определением своей идентичности и т.п.» [Там же].

Идентичность любого человека складывается из соединения самоидентификации и идентификации с остальными членами потенциального сообщества коммуникантов. Ответ на вопрос «кто ты?» раскрывает содержание самоидентификации, но от принятия ответа на него другими людьми зависит закрепление идентичности среди других убеждений или верований. Так, человек может быть убежден, что он принадлежит к некоей этноконфессиональной группе, но если у других членов этой группы возникают сомнения или же альтернативные убежденности, то он невольно оказывается перед выбором. И смысл этого выбора прост: отстаивать собственную идентичность даже путем борьбы с ее противниками или же согласиться с ее подменой. В любом случае платой за неправильный выбор может быть изгнание или даже расправа с тем, чьи права на заявленную идентичность оказываются под вопросом.

Содержанием идентичности является то, что позволяет отличить индивида от других — индивидуальная идентичность. В первобытном племени, современной семье или любой иной малой группе, как правило, это имя или функция, а также набор ролей, определяемых местом, занимаемым индивидом внутри группы. В семье можно быть дочерью или сыном, в трудовом коллективе — руководителем или исполнителем, в полиэтничной группе россиян — русским, грузином или татариним. При этом идентичность может быть разной в зависимости от группы и даже меняться от группы к группе, не вступая при этом в противоречие. Великий советский поэт Расул Гамзатов очень точно определил смысл этого явления, когда заявил о своей идентичности: «В Дагестане я аварец, в Москве я дагестанец, а за рубежом я русский» [14].

Но при этом сложность идентичности не должна стать помехой в сохранении ее цельности. В противном случае возникает ситуация конфликта идентичностей, которая в силу внешних для индивида причин с неизбежностью создаст ситуацию выбора между идентичностями или, что, по сути, одно и то же, между компонентами пока еще единой идентичности.

Порой альтернативные истолкования прошлого опираются на прямые фальсификации истории, порой на прежде замалчиваемые исторические факты, также преданные забвению по идеологическим и политическим соображениям. Таким образом, можно предположить, что разные интерпретации исторических событий порождают различные вариации социального структурирования общества и, наоборот, различия в институтах и ценностях приводят к разным трактовкам истории.

Данное рассуждение всецело относится к взаимному влиянию социальных структур и исторических интерпретаций прошедших событий в контексте формирования и реформирования индивидуальной и коллективной идентичности. При этом тот факт, что сами процессы формирования и реформирования идентичности запускаются историческими событиями, остается за пределами этого анализа. Хотя именно так, благодаря изменению взаимосвязи событийного и структурно-институционального запускаются процессы изменения отношения к прошлому. И происходят они для того, чтобы осуществить переход от одного состояния социума, характеризовавшегося прежде как стабильное, к другому, позволяющему обрести искомую стабильность.

Таким образом, исторические события и социальные структуры связаны друг с другом на уровне идентичности, и логика управления идентичностью как индивидуальной, так и коллективной, выступает в качестве источника изменений в этой области. Приведение в движение системы интерпретаций, лежащих в основе исторических повествований, происходит в результате эволюции социальных структур, политико-правовых и хозяйственно-экономических институтов, досуговых и социокультурных практик. Но вся эта сложная система институтов и повседневных практик не приходит в движение случайно и самопроизвольно, она вынуждена реагировать на комплекс изменений внешней среды как рукотворной (технические инновации, диффузия ценностей), так и нерукотворной (изменение климата, демография). Несостоятельность прежних политических и экономических форм организации социальных общностей порождает необходимость исторически обосновывать поиски направления изменений. Именно так на смену мирного сосуществования этносов приходит вражда, которая активизирует националистические, расистские и иные деструктивные настроения, что становится причиной ревизии исторических знаний.

Психосоциальный подход к определению идентичности традиционно связан с именем Э. Эриксона, который сравнивал жизненный цикл с окружностью, в центре которой находится идентичность. Идентичность конструируется личностью и, одновременно с этим, сама выступает как средство конструирования личности. От успешности процесса формирования идентичности зависит, согласно Э. Эриксону, все последующее функционирование личности по достижению зрелости. Именно идентичность отвечает за способность личности

сопротивляться внешним разрушительным воздействиям социальной среды, особенно в периоды кризисов. Автор данной теории полагал, что идентичность тесно связана с внутренним опытом переживания положения индивида в обществе, когда внешние факторы могут причинять страдания и боль, а идентичность оказывается средством защиты от них. Но может быть и наоборот, когда речь заходит о негативной идентичности, которая связана с отрицательным отношением окружающих.

Э. Эриксон обращает внимание на особые отношения к прошлому в процессе обретения идентичности: ребенок вырастает, усваивая негативные и позитивные примеры из прошлого. Одним персонажам ему предписывается подражать, тогда как другие даны только для того, чтобы ни в коем случае не поступать так, как они. «Человека, – пишет Э. Эриксон, – предостерегают: не стань тем-то – а он часто и не собирается им становиться, – чтобы он научился опасаться того, чего следует избегать. Таким образом, позитивная идентичность – это совсем не статичный набор свойств или ролей, она постоянно в состоянии конфликта с прошлым, которое надо изжить, и с будущим, которое надо предотвратить» [15, с. 316]. Эта цитата подтверждает прежде высказанное предположение об особом отношении идентичности и истории: идентичности и прошлого, идентичности и будущего. Но при этом в той же степени понятие идентичности зависит от социальных связей, взаимодействий и статусно-ролевых структур, к которым готовится будущий носитель идентичности.

Ученые, специализирующиеся в предметных пространствах социогуманитарных наук, сразу же обратили внимание на чрезвычайную эффективность использования данного термина в исследовании поведения человека, мотивов его действий, его мышления и способности к кооперации. В полный рост встала также проблема субъективности, неизменно порождающая однотипные трудности для ученых, чья задача – стремиться к максимальной объективности, верифицируемости и общезначимости. А здесь они столкнулись с еще большей долей субъективности, чем в случае с понятием личности. Как известно, личность индивида может быть представлена как совокупность психофизических черт индивида, выражающих его индивидуальность и даже уникальность. И хотя структура личности в психологических и социологических теориях описывается вполне объективистски, фундаментальная и неотъемлемая связь с субъективностью закладывается в данном понятии тогда, когда личность генетически связывается со способностью индивида «смотреть» на себя глазами других, окружающих и взаимодействующих с ним индивидов. Но умение это сродни искусству, и его применение дает довольно разные результаты, что, собственно, и приводит к уникальным личностям, уникальным биографиям, уникальным автобиографиям. И влиять на формирование личности можно извне, но влияние могут оказывать не только обстоятельства. Наиболее сильное влияние на личность могут оказывать и оказывают другие личности, что многократно ослабляет возможность исследователя обнаружить «внутри» личности некое предельно объективное «ядро», соединяющее сознание и самосознание в некое единое целое, дающее более или менее устойчивую и объективную картину отдельной личности и создающую условия для типизации, генерализации, концептуализации.

Сильной стороной концепта «личность» для исследователей социальных и антропологических процессов является то, что можно было бы назвать инерцией личности. Действительно, личность меняется, но она меняется постепенно, и сколь ни были бы способны ускорять и замедлять эти процессы личностные кризисы или внутриличностные конфликты, скорость изменений конечна и определена. Чем старше человек, тем более защищена его личность и тем менее способна она изменяться, что и порождает болезненный характер социализации людей в пожилом возрасте. И даже тогда индивид способен сохранять ряд представлений о себе как о достигшем чего-либо, нужным кому-либо, властвующим над кем-либо, потому что внутренние (психологические) и внешние (социальные) механизмы дают ему такую возможность. Но под понятием «идентичность» описывается феномен, который можно изменять в том числе и с мгновенной скоростью. С личностью при этом будут происходить болезненные процессы, но вот прежняя идентификация сразу же потеряет свое исходное значение. Вопрос заключается в том, потеряет ли при этом прежняя идентификация свой прежний смысл. Или же замена данной идентичности обрушит всю прежнюю идентификацию человека, всю систему ценностей и целеполагания.

В понимании феномена идентичности, раскрытии его сути и смысла Д. Мидом привлекается понятие отклика – отклик на слово, отклик на идею, отклик на образ [8, с. 216]. Они формируют серию откликов или группу откликов, которые создают символ. Отклики же наполняют символ смыслом. Группы «реакции или откликов», вызываемых в сознании разных людей, связываются с общим для них символом, который становится единицей информационного (коммуникативного) обмена между разными индивидами, но он же позволяет имитировать коммуникацию в процессе автообщения, умения смотреть на себя глазами других. Далее американский социолог переходит к отождествлению отклика и стимула, говоря о том, что смысл вещи, события или сообщения провоцирует не только отклик в душе, но и отклик в действии, вербальном или ином. Взаимодействие индивидов рассматривается им как обмен символами, как побуждение других к действиям посредством передачи символов.

Многие теоретики полагают, что понятиями идентичности и личности обозначают примерно одно и то же. Так, исследователь истории социальной феноменологии и интерпретативной социологии Х. Абельс высказался за отождествление понятий идентичности и личности в теории символического интеракционизма Дж. Г. Мида. «Понятие self, – пишет Х. Абельс, – вполне можно перевести термином идентичность. Идентичность возникает, если импульсивное и рефлексивное Я находятся в постоянном устойчивом взаимодействии. Идентичность есть постоянный диалог, в котором индивид общается с самим собой, т.е. с обеими “половинками” своей личности. Если обе стороны Я находятся в гармоничном равновесии друг с другом, мы говорим о состоявшейся личности» [1, с. 41].

Согласно теории символического интеракционизма, действие человека можно назвать осмысленным только тогда, когда он перед совершением действия говорит: я буду действовать таким-то образом. Способность

совершать подобные действия отличает человека от животного, как отличает его и умение спрогнозировать действия окружающих его людей, которым он приписывает подобные схемы рассуждения: вызываемая им в самом себе установка может быть приписана другому. И во всей этой конструкции стержнем становится жесткое ядро, вокруг которого объединяются все отклики, все символы. Это ядро артикулируется в символическом интеракционизме как два модуса понятия *self: Me и I*.

Помимо Э. Эриксона и Д. Мида, популяризации понятия идентичности и выполнению им одной из центральных ролей в концептуальном пространстве социальной философии и социогуманитарных наук способствовали внешние для научной жизни обстоятельства. Само общество заговорило об идентичности: развитие западной цивилизации, где внедрение новейших технических достижений в практике социального контроля вкупе с глобализацией и небывалой мобильностью индивидов породило целую технологию идентификации. Глобализация вызвала к жизни массовую миграцию, вызванную самыми разными причинами: экономическими, политическими, демографическими, этнорелигиозными. Выросли, усложнились и глобализировались социальные конфликты, что в значительной степени способствовало утрате управляемости прежде значительно более стабильных социальных систем. Всему этому способствовало грандиозное расширение роли бюрократии в жизнедеятельности социальных систем и их развитии.

Таким образом, в символическом интеракционизме находятся и первые попытки операционализации идентичности, ее использования в объяснительных схемах и сценариях развития социальных ситуаций. Теория взаимодействия индивидов, основоположники которой подчеркивали символический характер социальной реальности, помогает понять, почему индивиды не действуют одинаково и почему, несмотря на это, можно обобщать и типизировать их взаимодействия, чтобы потом прогнозировать дальнейшее развитие событий. Точно так же, как в механике, а затем и в остальных физических и химических теориях, реальные объекты были редуцированы к их идеализированным копиям, в символическом интеракционизме появляется возможность перейти от реальных людей, носителей уникальных и неповторимых индивидуализирующих черт, к так называемым акторам, чье поведение типично и предсказуемо. Благодаря этому в социальной философии появляется возможность перейти к более высокой степени научности, сохранив при этом возможность учитывать специфику исследуемых объектов.

Не будет преувеличением сказать, что совершенствование технических средств оказывает воздействие на самоидентификацию личности, которая давно уже превратилась в самостоятельное научное направление.

Постепенно вокруг технологии идентификации сложилась и особая культура рассуждения об идентичности, культура, связанная с внутренним миром человека, его переживаниями, страхами, глубинной субъективностью. Культура переживания идентичности нашла отражение в философии экзистенциализма [17, р. 114]. Это тот самый случай, когда представление человека о самом себе становится точкой, из которой вытекает стратегия адаптации в условиях невозможности прежних форм идентичности. Как именно философия экзистенциализма повлияла на модернизацию идентичности, пока сказать трудно, но сам факт взаимосвязи интеллектуальных и социальных практик не вызывает сомнения. Таким образом, термин «идентичность» является не только специально научным, но и широко используемым в повседневном общении образованными людьми.

По сути, термин «идентичность» выражает осознание индивидом единства своего сознания и самосознания на протяжении сколь угодно длительных промежутков времени, невзирая на перемены в содержании сознания, его направленности на те или иные предметы, значения, состояния, переживания. Даже в течение дня или часа мысли и чувства, намерения и впечатления, симпатии и антипатии могут изменяться, и весьма радикально. По прошествии же более значительных промежутков времени человек способен заметить не только перемены собственного настроения, но и более существенные сдвиги во внутреннем и внешнем мире, социальном статусе и ценностных установках. Но при этом он остается все тем же субъектом ответственности, что и позволяет ему осознавать себя в качестве некоего телесного и ментального единства. Для описания условий и факторов существования идентичности индивиду необходимо иметь память и обращаться к ней для подтверждения самоидентификации, сохранять осознание ответственности за все совершенные на протяжении жизни поступки и действия, а также всегда помнить о прошлых поступках, осознавая, что «это случилось именно с ним».

Понятие личности предполагает единство неизменности и изменчивости, что не позволяет дать этому понятию строгую дефиницию без применения гегелевской диалектики или чего-то подобного. В терминах классической философской метафизики можно было бы сказать, что личность находится одновременно в модусах бытия и становления, а экзистенциалисты XX века, в частности, Ж. П. Сартр, связывали эту особенность личности со спецификой человеческой природы [11, с. 321]. Человеком недостаточно родиться, им необходимо оставаться всю жизнь, для чего необходимо все время стараться преодолеть границы собственной природы, полагал французский мыслитель. «Субъективизм означает, с одной стороны, что индивидуальный субъект сам себя выбирает, а с другой стороны – что человек не может выйти за пределы человеческой субъективности... Действительно, нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть» [Там же, с. 321-322].

В философии существует давняя проблема сохранения идентичности вещами и явлениями на протяжении некоторого времени: даже физические изменения нередко бывают заметны невооруженным глазом, что уж говорить о быстроизменяющемся социальном мире. Как известно, в пространстве вещей, окружающих человека, можно сохраниться физически, но устареть морально и это относится как к обычным вещам, так и к мыслям, образам, идеалам, ценностям. Нельзя войти в одну реку дважды, говорил известный философ древности. Нельзя и единожды, «вторил» ему менее известный его ученик. Но в случае с человеческой личностью ситуация особая – личность по самому замыслу должна совпадать с идентичностью. Латинским

словом “persona” первоначально называли театральную маску, под которой актер стремился спрятать постоянно изменяющиеся выражения лица. Действительно, сколь ни старался бы актер, но, даже передвигаясь и говоря, он свое сколь угодно «каменное» лицо заставляет изменяться, а надевание маски с застывшей гримасой создает совершенно уникальное впечатление неизменности говорящего на всем протяжении театрального действия. Зачем? Конечно же, затем, чтобы изменить впечатление зрителя, не давая ему ни на минуту забыть о том, что говорящий на протяжении всего спектакля – одно и то же лицо.

Вопрос о том, является ли идентичность объективным фактом, или же она всецело зависит от человеческих намерений или конвенций, порождает дискуссии, протекающие точно так же, как и все подобные дискуссии, как то: дискуссия о природе пространства и времени, или о сущности физических явлений и их описаний. Определением сущности человеческого «Я» философы занимаются в контексте исследований проблем свободы и ответственности, смерти и бессмертия, вины и справедливости, хотя все это в конечном итоге восходит к историческому бытию, причем в дилемме индивидуального и коллективного. Не случайно современные историки так стремятся представить историю как процесс. «Методологическому индивидуализму общественных наук, – пишет П. Рикер, – новые историки противопоставляют тезис о том, что объект истории – не индивид, а целостный социальный факт» (термин, позаимствованный у Марселя Мосса), взятый во всех его человеческих измерениях – экономическом, социальном культурном, духовном и т.д. Понятию события как временного скачка они противопоставляют понятие социального времени, главные категории которого – конъюнктура, структура, тенденция, цикл, рост, кризис и т.п. – заимствованы из экономики, демографии и социологии [10, с. 121].

Философское определение идентичности предполагает интеграцию всех частнонаучных концептуализаций в единое образование. В этом случае идентичность выступает не как психологический и не как социальный феномен, а как модус человеческой экзистенции. Вот почему нельзя определить идентичность личности в категориях сознания или самосознания, нельзя также свести к результатам межиндивидуальных или внутригрупповых взаимодействий. Необходимо рассмотреть идентичность как бытийный феномен, который не может быть определен иначе, чем через свою причастность к главным характеристикам человеческого бытия, таким как случайность и конечность.

Список литературы

1. **Абельс Х.** Интеракция, идентичность, презентация. СПб.: Алетейя, 2000. 272 с.
2. **Андреева Г. М.** Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1999. 375 с.
3. **Аристотель.** Категории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 80 с.
4. **Баранова Т. С.** Теоретические модели социальной идентификации личности // Социальная идентификация личности: сб. ст.: в 2-х т. / отв. ред. В. А. Ядов. М.: Институт социологии РАН, 1993. Т. 1. С. 35-46.
5. **Воропай Т. С.** Между глобализацией и масскультурой // Философские науки. 2009. № 10. С. 11-32.
6. **Вульфсон Е. Н.** Обнаружение смысла как фактор конструирования личной идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://hpsy.ru/public/x6390.htm> (дата обращения: 06.09.2016).
7. **Кузнецова Е. В.** Этническая идентичность личности как объект исследования современного гуманитарного знания // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2008. № 4 (12). С. 121-127.
8. **Мид Дж.** От жеста к символу // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: МГУ, 1994. С. 213-221.
9. **Платон.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 860 с.
10. **Рикер П.** Время и рассказ: в 2-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. 313 с.
11. **Сартр Ж.-П.** Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / сост. А. А. Яковлев. М.: Изд-во политической литературы, 1989. С. 319-344.
12. **Симонов О. А.** К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45-61.
13. **Софокл.** Царь Эдип [Электронный ресурс]. URL: http://librebook.ru/oedipus_the_king (дата обращения: 13.09.2016).
14. **Третьяков А.** Вопросы терминологии [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/northwest/2013/43/voprosyi-terminologii/> (дата обращения: 06.09.2016).
15. **Эриксон Э.** Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
16. **Ядов В. А.** Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности // Психология самосознания: хрестоматия / ред.-сост. Д. Я Райгородский. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2000. С. 589-601.
17. **Guignon C.** The Existentialists: Critical Essays on Kierkegaard, Nietzsche, Heidegger, and Sartre. N. Y.: Rowman and Littlefield, 2003. 192 p.

NOTION OF IDENTITY AND ITS ESSENCE- AND CHARACTER-RELATED CONSTANTS

Tsifanova Irina Vladimirovna, Ph. D. in History
Stavropol State Pedagogical Institute
tsifanova@yandex.ru

The purpose of the article is to study the notion “identity” through the evolutionist paradigm and to determine the degree of historical events and social structures impact at the level of identity. The definition of identity not as a psychological or social phenomenon but as a modus of human existence is examined from the standpoint of the psychosocial approach by E. Erikson and symbolic interactionism by George Mead. In conclusion it is suggested to consider identity as an existential phenomenon, which includes such important features of human existence as fortuity and finiteness.

Key words and phrases: individual identity; collective identity; self-identification; social interaction; social structures; crisis of identity.